

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ
СУПЕРКОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» (НА МАТЕРИАЛЕ
ПОСЛОВИЦ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО,
ИСПАНСКОГО И ТАБАСАРАНСКОГО НАРОДОВ)****Т.А. Мирзаева**AXIOLOGICAL MEASUREMENTS OF
THE SUPERCONCEPT "MAN" (USING
PROVERBS OF THE RUSSIAN, ENGLISH,
SPANISH AND TABASARAN PEOPLE)

Mirzaeva T.A.

The article appeals to the traditional spiritual culture, to the system of values and preferences that find their reflection in proverbs. Paremiological fund of the Russian, English, Spanish and Tabasaran people as a fragment of the linguistic view of the world has become the original material for this research.

Статья обращается к традиционной духовной культуре, к системе ценностей и предпочтений, которые находят отражение в пословичных клише. Исходным материалом стал паремиологический фонд русского, английского, испанского и табасаранского народов как фрагмент языковой картины мира.

Все возрастающий интерес науки к этнической составляющей социума представлен тем, что этническое как форма многообразия человечества осознается важной характеристикой бытия и культуры народа, его менталитета, картины мира, его культурных концептов. А поскольку каждый языковед, изучающий язык, непременно становится исследователем культуры, к продуктам которой принадлежит изучаемый язык, то поиски этнолингвистического своеобразия в оценке человека, как центра языковой картины мира, дадут нам необходимую базу для рассуждений. Обращение к традиционной народной духовной культуре, к системе предпочтений и ценностей, которые находят отражение в пословичных клише, даст нам представление об этнической культуре, транслируемой через языковые устойчивые структуры, включающие в себя основы народной педагогики, аксиологии, традиции и незыблемого авторитета. Семиотическая шкала пословичных тропов – источник постижения мироощущения этноса, ибо коды, выявляющие народную культуру, языковую картину мира, принятую за эталон, весьма разнообразны. Это, в сущности, этносемиотика, дошедшая до нас в паремиологическом фонде народов, взятых нами отнюдь не случайно: различие конфессиональной принадлежности, различие в направлениях внутри конфессий, различие в характере локуса проживания, различие в цивилизационной принадлежности народов, чьи паремиологические фонды подвергнуты

УДК 81.115

нами лингвосемиотическому осмыслению. И здесь специфика социального канала трансляции этнокультуры – естественного языка (культурного кода!) – становится особенно значимой при контрастивном анализе. Таким образом, мы будем описывать фрагмент традиционной картины мира с ее эпицентром – Человек – в английской, испанской, русской и табасаранской паремиологических системах.

Высвечивая некие базовые смысловые зоны, способствующие реконструкции общей бытовой картины мира избранных нами для анализа этносов, выявляя в их пословицах круг идеологических концептов и культурных символов, показывая ценностные ориентиры и нормативные предписания, оказывающиеся предпочтительными, пословицы вводят нас в мир образов и символов, которые в этнолингвистическом осмыслении обретают особую емкость и содержание: **Для милого дружка и серёжка из ушка; No les busques tres pies a gato** (*Не ищи трёх лап у коты (в упор чего-либо не замечать)*); **Caution is the parent of safety** (*Осторожность – мать безопасности*); **Аба даруртІан, аькюл адрур аьхю йитим шул** (*Тот, у кого чести и совести нет – больший сирота, чем тот, у кого отца нет*).

Современный этап развития лингвистики характеризуется антропоцентрической направленностью, стремлением к постижению взаимодействия языка и личности, языка и этноса. Язык интерпретируется как форма сознания и транслятор культур, как конструктивное свойство человека, как выразитель и носитель мысли, продуцируемой автором или коллективной личностью этноса, как средство познания человеком себя и окружающей действительности, средство выражения и сохранения для потомков коллективной мудрости, каковой является корпус пословиц и поговорок любого этноса.

Обладая всеми признаками «классического текста» (Р. Барт) – завершенностью, объективированностью в виде письменного документа, смысловой связью последовательности знаковых единиц, цельностью – фонд пословиц и поговорок в то же время динамичен, иногда дисгармоничен, открыт,

т.е. является самоорганизующейся средой, где наряду с горизонтальными присутствуют вертикальные связи, проявляются свойства смысловой полифоничности, ветвистости, гипертекстуальности – то есть, перед нами определяющие признаки «неклассического текста». Отсюда как бы второе рождение пословиц и поговорок на сегодняшний день, переживаемое в средствах СМИ, черном пиаре и Интернете. Отсюда «Словарь антипословиц», составленный по материалам российской прессы Вальтером и Мокиенко. Все это определяет актуальность избранной темы, ее своевременность и аспектность. Кроме того, в последние годы 20-го – начала 21-го веков в теории языка значительно усилился интерес к проблемам языковой концептуализации мира, а морально-нравственная сфера как объект и результат процесса языковой концептуализации еще не становилась предметом специального лингвистического исследования.

Если к вышесказанному мы добавим глубокий интерес современной когнитивистики, этнолингвистики, этнопсихологии и этнологии вообще к проблемам мировидения этноса, к особенностям аксиологической шкалы, то анализ таких устоявшихся в народном сознании единиц, как пословицы и поговорки, будет служить эталонным показателем причинно-следственных связей и аргументативных практик, оценочных предпочтений и культурных концептов народотворца данного свода пословиц и поговорок.

Исходным материалом для нашего исследования является паремиологический фонд, а – это текст, текст как явление культуры (Сорокин 1977, 1982, 1994; Сорокин, Марковина 1988; Текст как явление культуры 1989: 103-183 и др.), у которого есть структура, система знаний, представлений о мире, оценок, иногда жестких: когнитивный генезис этнолингвистической информации иногда может опираться на устойчивый посыл – «так делали деда», – т.е. здесь возможно и внерациональное знание, ибо она (информация) базируется на «уходящих в глубь веков и формирующих коллективное бессознательное представлениях, которым подчас противоречит рациональное зна-

ние... Рациональное знание обеспечивает понимание логических отношений между явлениями мира, а внерациональное языковое – восприятие сублогических связей (главным образом ассоциативных метафорических) между ними» (Чернейко). Если мы сравним, например, оценку даже одной и той же сущности в народном сознании, то возможны несовпадения смыслового потенциала, возможны неодинаковые оценки, и это, особенно в паремиологии, выступает очень рельефно (Ср. мысль С.М. Толстой (1995) о несовпадении образа камня в народной культуре): с одной стороны, это символ твердости, крепости и постоянства, с другой – камни растут, движутся, падают с неба, становятся орудием божества или нечисти: **A rolling stone gathers no moss | Катущий камень мхом не обрастёт | Piedra que rueda no coge musgo** (*Катящийся камешек мхом не обрастает*); **Constant dropping wears away a stone** (*Постоянно падающая капля стирает (смягчает) камень*) | **Вода и камень точит | Agua blanda en piedra dura, tanto da que hace cavadura** (*Вода постепенно и камень сделает мягким*) | **Уччу гафну гъван гъюдли аПур** (*Доброе слово камень сделает мягким*).

Еще в большей степени это относится к языкам родственных, сродственных и удаленных народов. «Наипрекраснейшим эссе об истории и разнообразнейшей характеристикой человеческого разума, – называл И. Гердер сравнение языков, – ибо в каждом из них втиснут разум данного народа и его характер» (Гердер 1977: 233):

*...И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум английский – и светлый, и туманный,
Как море вокруг несчетных островов.
Бесстыдный ум француза, ум немецкий –
Строительный, тяжелый и тупой,
Ум русский – исступленно-молодецкий,
Ум скандинавов – веющий и слепой.
Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик...
Бальмонт К. Похвала уму.*

Этнолингвистические исследования выявляют информацию о духовной культуре, ментальности народа, которая транслируется в обрядах, в фольклоре, в системах

различных кодов для подачи одного и того же содержания – мирозерцания социума, – и если учесть, что любой информации присущи такие параметры, как содержание и отбор, структура, когнитивный генезис, сфера бытования, способ репрезентации, семиозис (источники и условия трансляции), то осмысленные с этих точек зрения паремиологические фонды народов, сопоставляемых нами по оценке человека, могут выявить для вдумчивого читателя систему координат, семиотических кодов, аксиологических констант и определяющих подходов, которые характеризуют объект нашего внимания – Человека. И здесь не только задействованы сферы «бытие», «природа», «человек», «деятельность», «культура» (Ср. Березович 2000: 23), но и высшие силы, как светлые, так и темные, отсюда и выделение чистых и нечистых действий, отсюда стереотипы сознания в оценке позитивных возможностей избираемых вариантов поведения и наоборот. Это маркировка представлений о мире создателей пословичного фонда, которые, осваивая окружающий мир, выбирали культурные коды наиболее соответствовавшие их представлениям.

Иными словами, язык и традиционная духовная культура народа – маркированная этнической спецификой, – область исследования (ср. идеи тартуско-московской семиотической школы об изоморфности языка и культуры): этносемиотика, этносемиология, символическая культура, – за всеми формами культуры и языком стоит одна и та же картина мира, единые или близкие культурные коннотации. «Любой пласт естественного языка, включающий в себя единицы с общей денотативной направленностью, кодирует информацию об определенном фрагменте действительности, пропущенную через призму внутреннего мира носителя языка и, соответственно, вобравшую в себя особенности его духовной культуры» (Березович 2000: 10). Отсюда специфика национально обусловленного восприятия фрагмента действительности, с одной стороны, и особенности языкового канала трансляции информации о данном фрагменте действительности – с другой. Отсюда магистральная

задача – выявить своеобразие паремиологического фонда как языкового источника информации о духовной культуре народа, о его предпочтениях, оценках, его модели поведения, выработанные поколениями: **Яв хал – ватан ккадабхъишра, хялижв уърх** (*Даже если дом твой будет разрушен, гостя береги*) | **Береги платье снову, а честь смолоду** | **De la abundancia del corazon habla la boca (lengua)** (*От избытка сердца уста глаголят*) | **A hedge between keeps friendship green** (*Когда между друзьями изгородь, дружба дольше – т.е. соблюдение границ в отношениях способствует продолжительной дружбе*).

Выявляя параметры этнокультурной информации, которая может быть извлечена из пословичного фонда, а также стремясь описать особенности репрезентации этнокультурной информации в паремиях, мы, естественно, должны говорить о методике экспликации такой информации, тем более что состояние этнокультурного изучения пословичного фонда народов, выделенных нами для сбора эмпирического материала, в современной паремиологии не отрефлектировано должным образом

Этнокультурная информация может быть манифестирована различными способами. Осмысливая бытие, природу, человека, деятельность и культуру, давая всему этому оценки, подчас неоднозначные, человек этнический, т.е. осознающий себя принадлежностью определенной общности, выявляет себя и свое сообщество в паремиях (их свод отобран веками, их форма отшлифована многократными воспроизведениями). Уже один отбор (содержание и отбор, точнее) – свидетельство о ментальности, миросозерцании, языковой картине мира этноса. Частотность слов-реалий, их культурная принадлежность – это тоже показатель мировидения по преимуществу (См. смысловые группы пословиц у В.И. Даля, у Г.Л. Пермякова, стержневые культурные концепты паремий у Л.Б. Савенковой и др.). Базовые и небазовые (маргинальные) смысловые зоны, имея свои пословичные варианты, со временем или вообще уходят из памяти говорящих на данном языке, или пе-

реходят в пассив употребительности, сохраняясь в авторских сборниках и в коллективных собраниях как плод ума, наблюдательности, сметки. Отсюда естественный вопрос о сфере бытования пословичного тропа: это, как правило, сфера бытовой речи, сфера формирующегося субстандарта – просторечия. Ведь извлечение этнолингвистической информации – это переход с собственно языкового уровня к мировоззренческому, это «выход в открытый космос», где ни инвентарь единиц, ни их структура, ни способы их сцепления с языковыми структурами заранее не известны. Это путь от объекта реальной действительности или акта коммуникации до установок, интенций субъекта – носителя языка, обусловивших такое, а не иное восприятие факта реальной действительности: **Здоров на еду, да хил на работу; Робить – ребята, а есть – жеребята; На работу позадь последних, на еду наперед первых** | **He`ll eat till he sweats and work till he freezes** (*Он будет есть, пока не вспотеет, а работать – пока не замёрзнет*) | **ИпІруган – жанаварси, апІруган – чакъ-алси** (*Ест, как волк, а работает, как шакал*) Это прецедентные знаки с высокой степенью семиотичности, причем их содержание и акценты могут меняться в зависимости от обстоятельств (Ср. непорочную святую Меланию в католической традиции и распутную Маланью в известной пословице о пирогах, напеченных к свадьбе). С.М. Толстая неоднократно обращала внимание на различие даже славянских картин мира, стоящих за фольклором, верованиями и обрядами, об этом же писали в 1973 Ю. Лотман и Б.А. Успенский, обращая внимание на то, что информация, кодируемая языком и мифом, может существенно различаться «вследствие различий в функциональной направленности и семиозисе этих языковых систем», ибо нарративность мифа оказывается избыточной в коммуникативном отношении при перекодировке мифа в язык: **Every Jack must have his Jill** (*Каждому Джеку своя Джил суждена*); **При царе Горохе, когда людей было трохи; Coger grillos en invierno** (*Ловить кита на удочку*); **Кіару гату хулаь ухшар ву** (*Чёрный кот дом украшает*) Вы-

холащивающееся мифологическое содержание может реализовываться через механизм метафоры, т.е. пропричиной переноса становится миф, и отождествление идеи вслед за сравнением: **Баба с возу – кобыле легче; Menos bulto, más claridad** (*Меньше груз – больше ясности*); **Less gear, less care** (*Меньше поклажа, меньше забот*) Исследователи отмечают обычность асимметрии мифа и языка, особенно в ксеностереотипах, о чужом этносе: например, эксплицируемое в английском языке представление о буйстве, несдержанности ирландцев, сложившееся под влиянием аттракции соответствующего этнонима к слову *ire* – гнев. Ср.: знаменитую аккуратность, педантизм немцев, хваленую английскую учтивость, непомерную гордость испанцев, трудолюбие и гостеприимство табасаранов и «портрет» русской национальной личности, полученный В.В. Воробьевым при работе с текстовым материалом XIX в.: религиозность, высшие формы опыта, соборность, широта души, вневременность, поляризованность, дух противоречия, всемирная отзывчивость (Воробьев 1996: 20). Отметим попутно, что прочитавший русские пословицы Солоник Н.В. приписывает русской национальной личности эгоизм, глубокое чувство зависти как устойчивое ментальное состояние, уравнительность, иждивенчество, приспособленчество, склонность к эсхатологическому мышлению, самоиронию, самоуничтожение, гордыню, менторские наклонности. Отмечаем продуктивность, хотя и недостаточную освоенность, отработанность парадигмы этнолингвистического анализа пословичного фонда любого изучаемого этноса, причём информативность подхода возрастает при контрастивных исследованиях, тем более паремий народов, достаточно различных по мирозерцанию и ценностным подходам. И если логикой развития лингвистической науки обусловлено «внедрение в языковедческие исследования антропологической парадигмы, которая предлагает трактовку языковых данных в связи с личностью их носителя, его духовной культуры, имеющей национально-специфический характер» (Березович 2000: 478), то этнолингвистика, в

центре которой оказывается соотношение «язык ↔ духовная культура народа», как нельзя более уместна для анализа паремийно-логических фондов различных народов, ибо они (фонды) содержат информацию во внутренней форме использованных единиц: **Lisonjas en boca de embajador tienen mal sabor** (*От лстивых слов и во рту посла бывает плохой привкус во рту*) **When flatterers meet, the devil goes to dinner** (*Когда встречаются льстецы, дьявол идёт обедать*) | **Лихва, да лесть дьяволу в честь** | «**Жанжан**» **«Дури, жан гьадабгьур** (*«Джан, душа моя» говорит, а сам готов душу из тебя вынуть*).

Ф.И. Буслаев обратил внимание на кумулятивную функцию пословиц и их способность сохранять в своем этимологическом слое мифологические воззрения славян на природу: **Из пустого дупла – либо сыч, либо сова, либо сам сатана; Венчали во круг елки, а черти пели; Из омота в ад как рукой подать; Моленный баран отличился, ин гулящий прилучился** – отметил использование слов – символов (волк, лиса, сыч, сокол, лебедь, курица и др.), а главное – подчеркнул, что в пословичном фонде русского народа отражался быт звероловов, пастухов, земледельческий и оседлый быт, хозяйство, деньги, прибыль, богатство, добро, зло, миролюбие, жизнь, смерть и др. Автор подчеркивает как специфическую черту пословицы ее способность к соединению образности с обобщением, отвлечением от незначительных деталей. «Жизнь и природу человека рисует она в немногих, но крупных чертах, столь свойственных народному эпосу... Для характеристики же отличительных особенностей умеет она охватить такие признаки, которые ярче других кидаются в глаза: «Мельник богат шумом», «Клин плотнику товарищ» (Буслаев, 1861; 79-95). Это же мы находим в испанских, русских, английских и табасаранских пословицах: **Muda el lobo los dientes, mas no las mientes** – Волк каждый год линяет, да обычай (нрав) не меняет – **Cut off dog's tail and he will be a dog again** (*Отрежь собаке хвост, и она всё равно останется собакой*) | **The wolf may lose his teeth, but never his nature** (*Волк может*

потерять свои зубы, но нрав свой не изменит) | **Жанавар марччлин гьидкьинь гьабшишра, жанавар гьубзур** (Волк и в овечьей шкуре волком останется); **Perro no come perro** (Собака не ест собаку) – Ворон ворону глаз не выклюет – **Wolf never wars against wolf** (Волк не станет воевать с волками) | **Hawk will not pick hawk`s eye** (Ястреб ястребу глаз не выклюет) | **Хуйи хуйини йикк дирипур** (Собака не станет глотать собачьи кости).

Тяготение людей к регламентации своего поведения, к каким-то моделям, которые выстраивают ход жизни (во всяком случае, ее основных событий) приводит к созданию «стереотипов поведения», это, как правило, этнические стереотипы, формировавшиеся в практике употребления, оттачивания образов и общего смысла. Это модели социального поведения, предполагающую предписания, не подлежащие обсуждению, ибо «Пословица не даром молвится». Это всегда регламентация, формировавшаяся в больших социальных группах и имеющая своей целью издревле не только определение нормы, но и корреляцию ее с нарушением нормы: **Первых щенят за угол мечут; Бодливой корове Бог рог не дает | A la vaca brava Dios le quita los cuernos | God sends a cursed cow short horns** (Бог посылает злой корове короткие рога) | **His bark is worse than his bite** (Её лай страшнее (хуже), чем укусы).

Стереотип поведения в пословице содержит и свою антитезу, а она подчас ярче высвечивает норму, чем само предписание нормы. Параллелизм и отрицательный параллелизм – типичный прием фольклора – находит широкое применение в пословице, обеспечивая ей особую фигуративность: **Борода с ворота, а ум – прикалиток | Mickle head, little wit** (Голова большая, а ума мало) | **No tener hijo y ponerle nombre** (Не имея сына, давать ему имя) | **Делить шкуру неубитого медведя** | **To eat the calf in the cow`s belly** (Съесть телёнка в животе коровы) | **To cook a hare before catching him** (Готовить кролика, ещё не поймав его) | **Гьюр рукарикк ккимиди, цини йигьгаг**

миливан (Пока кролик в кустах не ставь на огонь кастрюлю).

Соотношение ворот и прикалитка в быту, и по размерам, и по функции, не в пользу прикалитка. В пословице же ум (основа человека разумного) соотнесен с малой частью из бытовой сферы, причем не просто малой, а функционально незначительной. То есть, соотнесены два мира, взаимно не пересекающиеся, но прекрасно иллюстрирующие соотносимые сущности: ум и борода (нечто не просто вторичное в человеке, а вообще не имеющее сущностного значения, скорее чисто внешняя представленность (значимости) человека. И если русский фонд устойчивых выражений любого статуса ставит в эпицентр мысли душу и сердце (отдохнуть душой, сердцем, отлегло на душе/сердце, душа нараспашку), если такие моральные качества, как сопереживание, беспокойство, сострадание, жалость, чистосердечность, прямотушие, откровенность, не только декларируются, но и составляют суть национального характера, то испанский фонд прецедентных, жестко структурированных текстов ориентирован на гордость, честь, человеческое достоинство, упрямство; английские паремии свидетельствуют о благоразумии, терпимости, здравом смысле британцев; а в табасаранских пословицах «самобытность народной педагогики проявляется в том, что в ней духовность, нравственность, трудолюбие, красота окружающей природы и горец-труженик как объект и субъект воспитания представлены в гармоническом единстве» (Абдурахман Магомедов 2005: 6). И это есть совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу, это модель ценностной картины мира (Карасик 2002: 168), т.к. именно морально-нравственная сфера включает различные виды оценочных отношений: отношения к старшим и младшим, детям, женщинам и мужчинам, к здоровью и болезни, к жизни и смерти, к труду и подвигу, к собственности, земле, небу и др.: **Для щей люди женятся, для мяса замуж идут | A la mujer casada, la pierna quebrada** (Женщину домашний очаг красит) | **A good wife and health is man`s best wealth**

(Хорошая жена и здоровье – нет большего богатства для мужчины) | Хпир йиччвун тѐм кайи кюкю гъашиш, жилирикан арф шул. Хпир агъу йибчрур гъашиш, жилир битІраз дюнмиш шул, кІур (Если жена как медовый цветок, муж становится пчелой. Если жена брызжет ядом, то муж станет похож на змею).

Исследователи часто говорят о «паремиологическом парадоксе»: с одной стороны, в пословицах и поговорках выражается национальный характер, душа народа, с другой стороны, значения большинства пословиц представляют собой универсалии, почти для любой пословицы данного народа можно найти синоним среди пословиц любого другого народа; различия касаются лишь предметно-образной сферы, не затрагивая значений (Ю.И. Левин). И всё же пословицы создают особый национальный образ мира: **A cat in gloves catches no mice** (*Кот не ловит мышей в перчатках*) | **Без труда не вытянешь и рыбку из пруда** | **No hay atajo sin trabajo** (*Без труда нет и отдыха*) | **Жафа даршиш, сафа даршул** (*Не потрудишься – стол не накроешь*).

В русском, английском и в испанском толковании словарные дефиниции супер-концепта «Человек» выделяют три главных аспекта: 1) человек в отношении к «Миру», т.е. в отношении к высшим силам; 2) человек в отношении к себе подобным; 3) человек в отношении к обществу. Этими аспектами определяется оценка человека в паремиологическом фонде как двуприродного феномена: биологического и социального. Однако человек еще и носитель «морально-нравственных качеств, хотя это не отмечено ни в одном лексикографическом источнике XX-го века. А там, где нет морально-нравственных качеств, наверное, надо говорить не о личности, а об индивидуальности. Паремиологический же фонд имеет в виду эталон, и с этих позиций ведет оценку человека, т.е. определяет «ценности концептосферы культуры» (Телия), определяет национально-культурную специфику менталитета народа. И все это через образные представления о мире, культурно-национальную

коннотацию, через «зашифрованную» исключительную историю эволюции национально-культурных аспектов бытия того или иного этноса. Внутренняя форма ключевых слов – их этимология для носителей данного языка являются основой концепта, на которой возникли и держатся остальные слои значения, поэтому концепт помогает понять языковую, речевую и бытовую сущность пословицы и поговорки – главного свидетельства культурных ценностей народонаосителя, вплоть до отдельной человеческой личности. Это ценностно осмысленный опыт народа, упорядоченный и осознанный как норма поведения. Именно в базовых концептах морально-нравственной сферы зашифрована модель поведенческих стереотипов: **Береги платье снову, а честь смолоду** | **A good name is sooner lost than won** (*Честное имя легче потерять, чем заслужить*) | **Honour without maintenance is like a blue coat without a badge** (*Честь без поддержания всё равно, что полицейский без значка*) | **A canas hondradas no hay puertas cerradas** (*Честному мужу честен и поклон* | **Аькьюл адрур ликар – хилар гьадруриз ухшар ву** (*Человек без чести, всё равно, что без рук и ног*); **El falso amigo como la sombra propia, que aparece en el buen tiempo, pero se desvanece cuando una nube se aproxima** (*Неверный друг, что собственная тень: появляется при хорошей погоде и исчезает при приближении тучки*) | **Better a friend's frown, than a foe's smile** (*лучше хмурое лицо друга, чем улыбка врага*) | **Варж инан сарди гъузнураб дугъри дару дуст мидисан** (*Лучше одному сто лет прожить, чем иметь неверного друга*). Именно эти стереотипы позволяют жить достойно, по совести и этически правильно. В национальном паремиологическом сознании выявляются ряд поведенческих стереотипов, носящих как неспецифический, возможно, универсальный характер, так и специфические национальные различия: пословицы всех привлечённых для анализа народов подчёркивают ум, находчивость, догадливость, иногда даже хитрость. Гостеприимство, доброта, добродушие, откровенность – национальная отличитель-

ная черта русских: **Русский человек хлеб-соль водит.** Национально специфичными оказывается образ деятельности, т.е. как каждый народ подходит к выполнению той или иной работы: русский человек любит авось, небось да как-нибудь; англичанам свойственна осторожность, порой медлительность при выполнении какой-либо работы; выросший в суровых горных условиях табасаранец скорее осмотрителен и взвешенно-мудр в своём нелёгком труде; испанец, ставя во главу угла гордость и некоторое безразличие к деталям, смотрит несколько свысока на то, что он вынужден делать.

Паремии традиционны, а в силу этого положительно консервативны, интенция и аксиология создателей и носителей национальной паремиологии редко испытывает воздействие иных культурных моделей и тесно связана с бытом, хозяйственной деятельностью, жизненным укладом своих создателей и пользователей, составляя их версию бытовой картины мира и включаясь в сверхтекст традиционной духовной культуры каждого из анализируемых этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте.* – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
2. Буслаев Ф.И. *Исторические очерки русской народной словесности и искусства.* – Т. 1. *Русская народная поэзия.* – СПб., 1861.
3. Васильева Л. *Краткость – душа остроумия: Английские пословицы, поговорки и крылатые выражения.* – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 350 с.
4. Воробьев В.В. *Теоретические и прикладные вопросы лингвокультурологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.* – М., 1996.

5. Гердер И.Г. *Идеи и философская история человечества.* – М., 1977.
6. Даль В.И. *Пословицы русского народа / В.И. Даль.* – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. – 752 с.
7. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* – Волгоград: Перемена, 2002.
8. Курбанов М.М. *Душа и память народа: Жанровая система табасаранского фольклора и её историческая эволюция.* – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1996. – 224 с.
9. Кусковская С.Ф. *Русские пословицы и поговорки с соответствиями в английском языке.* – Минск, 1992.
10. Магомедов А. *Этнопедагогическая культура Дагестана.* – Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2005.
11. *Табасаранские народные пословицы и поговорки.* Составитель М.М. Гасанов. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991.
12. Толстая С.М. *Христианское и языческое в славянском народном календаре: (к проблеме двоеверия) // Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика): Тезисы докладов.* – М., 1995.
13. *Refranes e proverbios. Rusos y Españoles. Русские и испанские пословицы и поговорки / Сост. В.С. Злотницкий.* – М.: Изд. лит. на ин. яз.

Об авторе

Мирзаева Татьяна Асланова, соискатель степени кандидата филологических наук кафедры общего и славянорусского языкознания Ставропольского государственного университета, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ставропольского филиала Московского института предпринимательства и права. Сфера научных интересов – сопоставительная паремиология.